АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XIV

Н. А. МЕЩЕРСКИЙ

К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве»

Исследование лексики «Слова» было предпринято автором настоящей заметки несколько лет назад, и результаты его частично опубликованы.[1] В статье сообщено несколько наблюдений над семантикой отдельных лексем из «Игоревой повести». Теперь мы постараемся дополнить и уточнить ранее приведенные нами данные и в некоторой степени расширить используемый материал.

1. О значении термина «слово» в качестве заглавия эпического произведения. В статье 1956 г. нами даны примеры из древнерусских письменных памятников, подтверждающие, что термином «слово» или «слово о» могло обозначаться эпическое сказание в соответствии с греческим τὸ ἔπος или ὁ λόγος.[2] В дополнение к напечатанному там следует сослаться на употребление термина «Слово» в том же значении в памятниках старославянской переводной письменности в самую начальную эпоху развития старославянского литературного языка. Так, в переводе Евангелия (от Иоанна, гл. 21, ст. 23) при греческом: Ἐξῆλθεν οὖν οὗτος ὁ λόγος εἰς τοὺς ἀδελφούς, ὅτι ὁ μαθητὴς ἐκεῖνος οὐκ ἀποθνήσκει, мы читаем: Изиде же слово се въ братиꙗ. юко оученикъ тъ не оумьреть.[3] И в этом случае старославянское «слово» соответствует греческому ὁ λόγος со значением «предание», «легенда». Таким образом, автор «Слова о полку Игореве», озаглавливая этим термином свое произведение, опирался на устойчивую и давнюю традицию и указывал тем самым на повествовательный, преимущественно эпический характер памятника.

2. Значение прилагательного «бебрянъ» — «шелковый». Как уже показано в нашей статье, ряд древнерусских переводных произведений, датируемых временем не позднее начала XI в., дают основания полагать, что этому прилагательному в ту эпоху было свойственно значение «шелковый» или близкое к нему. Равным образом и существительное «бобр—бъбр», от которого данное прилагательное образовано, очевидно в соответствии с хазарским «хаз», могло являться одновременно названием как драгоценного меха, так и тонкой шелковой материи.[4]

Сошлемся еще на ряд примеров, подтверждающих наше предположение. Глава XXXII первой книги «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия

---

[1] Н. А. Мещерский. К толкованию лексики «Слова о полку Игореве». — Ученые записки ЛГУ, № 198, сер. филологических наук, в. 24. Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике, 1956, стр. 3—9.

[2] Там же, стр. 4.

[3] Остромирово евангелие (по рукописи), л. 54, строки 14—16.

[4] Н. А. Мещерский. 1) К толкованию лексики..., стр. 5—7; 2) Отрывок из книги «Иосиппон» в «Повести временных лет». — Палестинский сборник, в. II (64—65). Изд АН СССР, Л., 1956, стр. 67.

в древнерусском переводе, восходящем к XI в., рассказывает о погребении Ирода, царя Иудеи. При этом в описании его погребального ложа на месте греческого ἀλουργίς — «драгоценный шелк», «атлас» в древнерусском тексте стоит выражение «акы си кастер разноличьн». Так читаем в Виленском и Архивском списках так называемой хронографической редакции.[5] В. М. Истрин, основываясь на чтении Волоколамского и других списков так называемой «отдельной» редакции, объяснял это сочетание как «аксикастеръ», т. е. как передачу существовавшего, по его мнению, в разговорном греческом языке в византийскую эпоху слова ὀξυκάστηρ, представлявшего собой сложное слово, вторая часть которого обозначает «бобровый мех», а первая могла бы иметь значение «острый», «драгоценный».[6] Даже если не соглашаться с чтением В. М. Истрина и принимать чтение Виленского и Архивского списков — «кастеръ» (κάστηρ), то и в этом случае за ним остается та же семантика, что и у греческого слова κάστηρ в соответствии с латинским «castor» и древнерусским «бобръ». Таким образом, мы снова находим то же смысловое совпадение: «бобръ» — «шелк». Этот же смысл слова «бобр» может быть подтвержден, наряду с текстом книги «Есфирь» (I, 6), и другим древнерусским переводным памятником литературы — «Повестью об Акире». Это произведение было переведено на Руси не позднее XI в. и, по-видимому, с сирийского оригинала.[7]

В. Н. Перетц в своем комментарии к «Слову о полку Игореве» еще в 1926 г. обратил внимание на то, что ни в письменных памятниках, ни в устной поэтической традиции прилагательное «бебрянъ» именно в данном морфологическом оформлении не употребляется: всегда и повсюду находим только «бобровый». Этот же исследователь привел в качестве параллели к «Слову» одно место из «Повести об Акире», однако при этом никак не комментировал смыслового значения существительного «бъбр» в контексте «обѣвша ѝ бъбромь».[8]

В действительности текст «Повести об Акире» содержит два раза слово «бъбр» в значении «шелк», «виссон», «тонкое полотно». В первом случае в древнерусском тексте «Повести» мы находим «и одѣх ѝ бобром и брачином». Параллельные тексты «Повести» на других языках следующие: «и одевал его в тонкое полотно и пурпур» (сирийский текст); «одевал его в шелк и пурпур» (арабский); «я одел его в виссон и пурпур» (армянский).[9]

Во втором случае древнерусскому «одѣвша ѝ в бебер и брачину» мы находим соответствие в арабском тексте: «одевшихся в шелк и в пурпур».[10]

Таким образом, для нас не остается сомнения в том, что в древнерусском языке существительным «бъбр» могло обозначаться не только известное пушное животное, но и какая-то драгоценная, виссонная или тонкая полотняная ткань.

---

[5] Рукопись Виленского хронографа. Библ. АН Литовской ССР, № 109—147, л. 562 об.; то же в рукописи Архивского хронографа б. Архива Министерства иностранных дел (ЦГАДА), № 279—658, л. 380 об.

[6] Архив АН СССР, ф. 332, оп. 1, № 12. Черновая запись к неопубликованному исследованию В. М. Истрина о древнерусском переводе «Истории Иосифа Флавия». Исследование предполагалось опубликовать в Париже в издании Institut des études slaves в качестве третьего тома его книги «La prise de Jérusalem» (t. I, Paris, 1934; t. II, Paris, 1938).

[7] А. Д. Григорьев. Повесть об Акире. М., 1913; Н. Н. Дурново. Материалы и исследования по старинной литературе, ч. 1. М., 1915. (В дальнейшем соответственно: Григорьев; Дурново).

[8] В. Н. Перетц. Слово о полку Ігоревім. У Київі, 1926, стр 307.

[9] Григорьев, стр. 23; Дурново, стр. 20.

[10] Григорьев, стр. 137. В вышеупомянутой работе В. Н. Перетца место приведено не вполне точно.

3. Глагол «похытити» — «поддержать». Во фразе «преднюю славу сами похитим, а заднюю я сами подѣлим» [11] глагол «похитим», вероятно, мог обозначать не «насильственно завладеем», как его обычно понимают в современном значении, а «поддержим», «подхватим».[12]

Если для значения «насильственно завладеть чем-либо» И. И. Срезневский приводит в качестве примера только указанное место «Слова»,[13] то для значения «поддержать», «подхватить» мы имеем возможность, кроме текста древнерусского «Иосиппона», о котором шла речь в статье, процитировать также и параллельное место в переводе «Истории» Иосифа Флавия (Кн. VI, гл. III, 2). Там мы находим рассказ о двух римских воинах, один из которых остался на кровле подожженной иудеями храмовой башни. Обращаясь к своему другу, стоявшему внизу, прежде чем соскочить с кровли, этот воин говорит ему: «Тебе оставлю наслѣдника моему стяжанию, аще приступль ухытиши мя» («Тебя оставлю наследником всему моему состоянию, если, подойдя, поддержишь меня»).[14]

Другие списки вместо «ухытиши» дают лексические варианты этого глагола: «похытиши» находим мы в самом старом по времени списке (Румянцевском, восходящем на основании палеографических данных к первой трети XV в.); «ухватиши» — таково чтение Барсовского списка (XVI в.). Лексические варианты в параллельном месте «Иосиппона» совпадают с этими же значениями.[15]

4. «Ниче» («наниче») — «оборот», «изнанка». Для подтверждения такого значения мы приводили мнение А. С. Орлова, в свою очередь ссылавшегося на Н. С. Тихонравова, который подтверждал свое толкование церковнославянской цитатой: «наничь одежду одѣвати» (без указания на источник).[16]

Как удалось установить, источником данной цитаты нужно признать известный «Лексикон трехъязычный» Феодора Поликарпова — знаменитого русского лексикографа конца XVII—начала XVIII в.[17]

Мы имеем полную возможность, таким образом, подкрепить наше толкование ссылкой на столь авторитетный и близкий к древнерусской эпохе источник, как труд одного из первых наших лексикографов.

5. Выражение «мысленное древо» («растѣкашется мыслію по древу») как обозначение музыкального инструмента, игрою на котором сопровождал свое пение Боян. Как известно, выражение «растѣкашется мыслію по древу», характеризующее в «Слове о полку Игореве» творческую манеру древнего певца Бояна, толкуется учеными по-разному. Одни из исследователей вслед за Карелкиным, Гербелем, В. И. Далем, Орестом Миллером, Всеволодом Миллером, Барсовым и В. Н. Перетцем полагают, что здесь речь идет о каком-то звере, и поэтому предлагают читать «мысию», а не «мыслію», как читается в мусин-пушкинском издании и в Екатерининской копии. Под «мысию» при этом разумеется название белки, мыши, лесной мыши и т. п.[18]

---

[11] См. наиболее убедительное разъяснение смысла этого места в статье Д. С. Лихачева «Из наблюдений над лексикой „Слова о полку Игореве“» (ИОЛЯ, т. VIII, 1948, вып. 6, стр. 551—554).

[12] Н. А. Мещерский. К толкованию лексики..., стр. 7.

[13] Срезневский, Материалы, т. II, стр. 1328.

[14] Виленский хронограф, рукопись № 109—147, л. 691.

[15] Н. А. Мещерский. К толкованию лексики..., стр. 7.

[16] А. С. Орлов. Слово о полку Игореве, изд. II. М., 1946, стр. 83, 122, 123.

[17] Ф. Поликарпов. Лексикон трехъязычный. М., 1704, л. 83; Б. А. Ларин. Очерки по фразеологии. — Ученые записки ЛГУ, № 198, сер. филологических наук, в. 24. Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике, 1956, стр. 205.

[18] Последнее по времени выступление в защиту этого мнения находим в заметке Н. М. Егорова «Мышью или мыслью?» (ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 13).

Исследователи, придерживающиеся противоположного мнения, как В. П. Адрианова-Перетц, Д. С. Лихачев и др., не находят необходимым подвергать исправлению текст, считая его и без того вполне понятным. При этом, во-первых, совершенно правильно не признают возможным отрывать сочетание «растѣкашется мыслію по древу» от стоящего несколькими строками ниже сочетания «скача... по мыслену древу».[19] Во-вторых, чтение «мыслию» поддерживается параллельным текстом в «Задонщине».[20]

Считаем нужным присоединиться к последнему мнению и в свою очередь высказать предположение о том, нельзя ли под сочетанием «мысленное древо» (дерево мысли) понимать поэтическое обозначение того музыкального инструмента, на котором играл Боян, т. е. гуслей.[21]

В средневековой поэзии многих народов встречается обозначение словом «дерево» в сочетании в разнообразными текстами понятия «музыкальный инструмент», «арфа», игрою на которой сопровождается пение певца-поэта. Так, в древнем англо-саксонском эпосе в качестве синонима к слову «hearp» (арфа») часто находим выражение «glēo-beam» или «gamen-wudu» («дерево веселия», «дерево радости»).[22] Если древний англо-саксонский поэт мог называть свой музыкальный инструмент «деревом радости», то не представится для нас странным и то, что его русский современник, автор «Слова о полку Игореве», характеризуя «замышления Бояна», именует музыкальный инструмент, игрой на котором сопровождается его вдохновенное, но и полное глубоких мыслей пение, «древом мысли».

6. Выражение «лук напряженъ» — «лучи (луца) съпряже». В «Слове о полку Игореве» обычны термины, обозначающие многообразные предметы вооружения древнерусских воинов. Точное употребление (в прямом смысле) этих терминов неопровержимо доказывает, что автор «Слова» был искусным воином, глубоким знатоком военного дела, по-видимому, одним из членов старшей дружины князя Игоря, сопровождавшим его в походе и принимавшим активное участие в сражениях с половцами.[23]

Однако эти военные термины используются автором не только в прямом их значении, но и обычно служат для построения поэтического образа. Они входят в ряд привычных, устойчивых словосочетаний, имеющих образно-символический смысл. Так, слова «мечь», «копье» и «стяг» встречаются многократно в тексте поэмы как в конкретном, прямом, так и в переносном значении, связанном с идеологией русского феодального общества XI—XII вв.[24]

Без сомнения, в подобном же двояком употреблении мы находим в «Слове о полку Игореве» и такие термины, как «лук» и «тул» (колчан для стрел).

В начальной части поэмы автор изображает сборы в поход воинов Игоря и его брата Всеволода, характеризует умелых воинов этого последнего, курян «свѣдомых къметей», о которых говорит: «луци у них напряжени,

---

[19] «Слово о полку Игореве». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (сер. «Литературные памятники»), стр. 377—378 и др. (В дальнейшем: Лихачев).

[20] В. П. Адрианова-Перетц. «Задонщина». — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1948, стр. 223—224.

[21] Д. В. Айналов. Заметки к тексту «Слова о полку Игореве». На каком инструменте играл Боян? — ТОДРЛ, т. IV. М.—Л., 1940, стр. 155—158.

[22] Б. Ильиш. История английского языка. Учпедгиз, Л., 1939, стр. 87.

[23] Г. В. Федоров. Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена река Каяла? Изд. «Молодая гвардия», 1956, стр. 15—128. Позволим себе высказать согласие с названным исследователем в отношении его характеристики автора «Слова» во всем, кроме попытки отождествить этого последнего с известным по летописям Рагуилом — тысяцким Черниговского княжества.

[24] Лихачев, стр. 272—276.

тули отворени». Этими выражениями автор «Слова» передает состояние полной боевой готовности воинов, которые в состоянии «отразить внезапное нападение половцев, как и сами быстро напасть на них».[25]

Вторично эти же названия предметов стрелкового вооружения и в столь же близком сочетании друг с другом мы видим в «Плаче Ярославны». Обращаясь к солнцу, она припоминает тяжелое положение Игоревой рати в заключительный момент его битвы с половцами. Воины страдали от жажды и потеряли свою боеспособность: «в поле безводнѣ жаждею им лучи съпряже, тугою им тули затче».

До сих пор как будто исследователи проходят мимо несомненного параллелизма в приведенных местах «Слова». Если в качестве символа бодрости и боеспособности воинов мы находим выражение «луци напряжени», то сведенные или искривленные от жары луки («лучи съпряже») — символ бессилия. Если «тули отворени» — символ готовности воинов принять бой, то замкнутые тугою (печалью) колчаны («тули затче») — естественный символ противоположного значения.

К *словосочетанию «луци напряжени» приводились многочисленные фразеологические* соответствия из старославянских переводных текстов. Наиболее близкие из них: «Яко се грѣшницы напрягоша лукъ уготоваша стрѣлы в тулѣ» (Симоновская псалтырь, 1, 1952);[26] «роженицы (луки) их напряжени» (Исайи, V, 28).[27]

Кроме того, Е. В. Барсов, а вслед за ним В. Н. Перетц и др. обычно приводят в качестве параллели место из древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия: «мы немощни и слаби есмы противитеся римляном, яко же и лукъ напряженъ».[28] Как Е. В. Барсов, так и В. Н. Перетц, ссылаясь на процитированные слова, исходили из текста так называемой «отдельной» редакции перевода по Волоколамскому, Барсовскому и другим спискам. В них текст явно испорчен позднейшими переписчиками. В данном случае приводимая речь представляет собой отрывок из вставки, принадлежащей древнерусскому переводчику и отсутствующей в греческом оригинале соответствующей книги «Истории». Смысл этой речи в том, что иудейские первосвященники заявляют о своей невозможности оказать сопротивление римлянам; поэтому образ напряженного лука в этом контексте не вяжется с содержанием всего высказывания. На эту смысловую несообразность не обращали обычно внимания ни исследователи, занимавшиеся древнерусским переводом «Истории», ни комментаторы «Слова о полку Игореве».

Между тем более древняя и полная редакция перевода «Истории», содержащаяся в списках Виленского и Архивского хронографов, дает в данном случае верный и единственно правильный смысл: «яко мы немощни и слаби есмы противитися римляном, яко же и лук съпряжен».[29]

В этом случае символом немощи в точном соответствии со смыслом контекста выступает именно сочетание «лук съпряжен», и не «лук напряжен», как ошибочно дается этот текст в списках «отдельной» редакции. Характерно, что переписчик Виленского хронографа вставляет от себя пояснение к словам «лук съпряжен» и пишет на полях: «или схривлян». Таким обра-

---

[25] Лихачев, стр. 393.

[26] В. Н. Перетц. Слово о полку Ігоревім, стр. 157.

[27] В. Н. Перетц. «Слово о полку Игореве» и древнеславянский перевод библейских книг. — ИОРЯС, т. III, 1930, стр. 299.

[28] Е. В. Барсов. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. III. М., 1889, стр. 446; В. Н. Перетц. Слово о полку Ігоревім, стр. 156.

[29] Виленский хронограф, л. 576 об.; Архивский хронограф, л. 389 об.

зом, не остается сомнения в том, что в тексте перевода «Истории» мы находим точную и яркую параллель к «Слову о полку Игореве», но не к тому месту, к которому она обычно приводится комментаторами, а к «Плачу Ярославны».

Подводя итог произведенным сопоставлениям, мы должны, во-первых, еще раз указать на то, что они свидетельствуют не об юго-западном, галицком, а скорее об юго-восточном происхождении первоначального текста «Слова о полку Игореве», сложенного, по всей видимости, в Северской земле, в княжении самого Игоря.[30] Во-вторых, сделанные филологические наблюдения подтверждают близость лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве» ко все большему числу как ранее известных, так и вновь включаемых в научный оборот памятников древнерусской письменности.[31] Несомненная их близость между собой с неопровержимостью доказывает подлинность и исконную древность этого важнейшего и совершеннейшего произведения русского героического эпоса. Чем глубже мы вчитываемся в содержание старинных памятников письменности, чем пристальнее изучаем их слог, тем больше мы находим в них совпадений с лексикой и фразеологией «Слова о полку Игореве», тем отчетливее мы разбираемся в содержании «Слова», тем яснее понимаем его язык.

---

[30] С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946, стр. 196. Это предположение подтверждается также анализом редкой диалектной лексики в тексте «Слова».

[31] С. И. Котков. Из курско-орловских параллелей к лексике «Слова о полку Игореве». — Ученые записки Орловского педагогического института, т. IX. Орел, 1954. стр. 3—23; Н. А. Мещерский. К вопросу о территориальном приурочении первоначального текста «Слова о полку Игореве» по данным лексики. — Ученые записки Карельского педагогического института, сер. историко-филологических наук, т. III. в. 1. Петрозаводск, 1956, стр. 64—88.